

Фэн Цяньсюэ нахмурился:

— Ты — хозяин, я — гость. Если я не попрошу у хозяина, мне что, самому идти на кухню?

— Ты... — Цуй Ванчао от такой дерзости лишился дара речи. Дело в том, что перед началом пира Цзинь Хун — уж неизвестно, какая муха его укусила, но, вероятнее всего, из мыслей вроде «с какой стати дворец Луаньюй должен вам прислуживать?» — приказал отослать всех служанок, оставив на столе лишь блюда. Изначально это задумывалось как сбивание спеси с гостей, но теперь казалось, будто из седла выбили его самого.

Фэн Цяньсюэ уселся обратно:

— Нет так нет.

Цуй Ванчао взглянул на Цзинь Хуна.

Цзинь Хун едва не лопался от злости. Кто на таких приемах ест по-настоящему? Разве люди не должны лишь ради приличия пару раз прикоснуться палочками к еде? А тут мало того что сожрал все подчистую, так еще и требовал вторую пиалу!

Фэн Цяньсюэ повернул голову и спросил:

— У них в доме правило такое — не больше одной пиалы супа на человека? Тогда отдай ему мою.

Се Жэнь хохотал так, что не мог вымолвить ни слова. Он опёрся о стол и лишь спустя некоторое время сумел выпрямиться:

— Ладно тебе, ешь сам.

Фэн Цяньсюэ пододвинул к нему пиалу:

— Ешь ты, я не люблю сладкое. Ну или давай разделим пополам.

Цзинь Хун, сидевший на почетном месте, воочию наблюдал, как эта парочка с ложками делила крошечную пиалу сладкого супа. Их мелочно-бережливый вид доводил его до того, что он едва не плевался кровью. На этот раз Цуй Ванчао проявил редкую сообразительность и поспешил прошептать:

— Как думаешь, а они не специально это делают? Чтобы потом ходить и на каждом углу трезвонить, будто дворец Луаньюй намеренно их презирает и даже еду дает одну пиалу на двоих?

Цзинь Хун досадно взмахнул рукой:

— Принесите ему, принесите!

Мгновение спустя служанки вереницей вошли в зал и уставили перед Се Жэнем весь стол пиалами со сладким супом.

Фэн Цяньсюэ смерил стол взглядом и решил, что этого должно хватить, после чего произнес в сторону хозяев:

— Благодарю.

Цзинь Хун, разумеется, не соизволил ответить. Что же до Цуй Ванчао, то тот искренне боялся, что если неотреагирует, то снова услышит в свой адрес «Цуй Ланчао», поэтому через силу выдавил из себя подобие натянутой улыбки.

Обед прошел под знаком всеобщего веселья гостей и глубокого уныния хозяев. Когда наконец убрали последние сладости и чай, Цзинь Хун поднялся, намереваясь уйти, но Се Жэнь преградил ему путь:

— Постой-ка, у меня есть дело.

Цзинь Хун сжал рукоять меча, нахмурившись:

— Я так и знал, что ты замышляешь недоброе!

— К тебе у меня нет терпения, а не добрых намерений, — возразил Се Жэнь. — Хочешь послушать про призрачную марионетку в красном из поселка Ути? Если нет, я молчу.

Цзинь Хун недовольно буркнул:

— Ты ее ранил, я ее убил, теперь она развеялась дымом. О чем тут еще говорить?

— В поселке Ути я нанес ей тяжелейшие ранения, оставив буквально на грани жизни и смерти, — сказал Се Жэнь. — Она панически бежала и пряталась на всем пути, словно цеплялась за жизнь изо всех сил. Но почему-то, когда слуги из поместья Цуй прочесывали гору, она сама выскочила им навстречу, нарываясь на смерть. Не кажется ли тебе это странным?

— Се Жэнь! — вспыхнул ошеломленный Цуй Ванчао, теряясь от испуга. — Какое это имеет отношение ко мне?! Перестань сеять здесь раздор!

— Кто тут сеет раздор? Заткнись, — бросил ему Се Жэнь и продолжил обращаться к Цзинь Хуну: — Сейчас все подозрения падают на тебя. А ведь речь идет о десятках жизней жителей поселка Ути. Будь я на твоем месте, непременно разыскал бы истинного виновника до того, как эти слухи расползутся повсюду.

Цзинь Хун смахнул его руку и вместе с Цуй Ванчао покинул террасу Сяньяо.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Думаешь, он начнет действовать?

— Обязательно. Я-то его знаю, он терпеть не может чувствовать себя обиженным, — Се Жэнь взял со стола попавшийся под руку фрукт. — В детстве я приезжал сюда на Новый год. Увидел в лесу мягкий пушистый снег, только собрался поиграть в одиночестве, как пришел Цзинь Чжоу со своей компанией. Я не хотел с ними связываться и залез на дерево.

Дети тогда еще не владели изысканными заклинаниями. Они некоторое время побегали по снегу, вырыли несколько глубоких ям, накрыли их ветками, подражая охотничьим ловушкам, и вскоре со смехом и разговорами ушли.

— Когда они ушли, я тоже спустился и ушел, — продолжал Се Жэнь. — Позже снег повалил сильнее, и те ловушки, судя по всему, быстро замело без следа.

Казалось бы, пустяк, но кто же знал, что у одного наставника по фамилии Лю внезапно проснется вдохновение и он отправится в глушь леса писать зимний пейзаж? В итоге он угодил

в глубокую яму и сломал ногу.

Се Жэнь откусил фрукт:

— А потом Цзинь Чжоу заявил, будто это устроил Цзинь Хун.

Ли Хуань спросил:

— И ты выступал его свидетелем?

— Мне до этого дела не было, — ответил Се Жэнь. — Впрочем, мои показания и не потребовались. Слышал, Цзинь Хун тогда опросил кучу народа и за полмесяца умудрился по мельчайшим уликам восстановить весь маршрут Цзинь Чжоу в тот день: куда тот ходил, кого с собой брал, да еще и привел нескольких свидетелей.

Фэн Цяньсюэ кивнул:

— Судя по всему, он действительно постарается выяснить правду о призрачной марионетке в красном, чтобы очистить свое имя.

Се Жэнь приобнял Мо Чи:

— Есть ли на этот раз маршрут, позволяющий миновать Цзиньгуан, чтобы я смог проникнуть в жилище Цзинь Хуна? Он живет в башне Сеян, на самом левом краю Восточного дворца.

— Есть, но будь предельно осторожен, не попадись, — Мо Чи прекрасно знал чертежи этого места и легким свечением начертил карту прямо у него на ладони. — Но даже если он вернется в башню Сеян, ему наверняка придется отправиться к Цзинь Чжоу. Ты знаешь, где живет Цзинь Чжоу?

— В башне Байчжан.

Мо Чи нахмурился:

— Вот это уже проблема.

Башня Байчжан, хоть и не достигала высоты в сто чжанов, находилась под самой надежной охраной во всем дворце Луаньюй. Ее окружали массивы Цзиньгуан, создавая непреодолимую защиту.

Се Жэнь фыркнул:

— Сколько же нечистых дел он натворил, если окружил себя такой неприступной стеной? Не зная правды, можно подумать, будто в этой башне прячут знатную барышню.

Фэн Цяньсюэ произнес:

— У меня есть способ.

Се Жэнь спросил:

— У тебя есть способ пробраться в башню Байчжан?

У Фэн Цяньсюэ и впрямь был способ, и даже не один.

Однако раскрывать себя было нельзя. Если бы шестнадцатилетний юноша из клана Фэн одним ударом ладони заморозил массивы Цзиньгуан дворца Луаньюй, весь мир заклинателей содрогнулся бы от шока. Поэтому ему пришлось прибегнуть к совсем незначительному заклинанию. Он предложил:

— Мы можем сделать так, чтобы Цзинь Хун подвернул ногу.

Остальные трое единодушно подумали: «Вот же коварство!»

Ли Хуань заметил:

— Верно. Если он повредит ногу и не сможет ходить, но при этом захочет сбросить с себя подозрения и допросить Цзинь Чжоу, ему придется пригласить того к себе в башню Сеян.

Се Жэнь показал Фэн Цяньсюэ большой палец: «А ты хорош!»

Так что четверо вернулись в гостевой двор, и вскоре две пухлые золотистые птички снова выпорхнули из окна, устремившись к башне Сеян.

На этот раз, чтобы Се Жэнь из-за нехватки навыков снова не шатался из стороны в сторону и не выдал их, Фэн Цяньсюэ, усевшись, первым делом прижал его крылом, надежно зафиксировав на месте.

Застигнутый врасплох Се Жэнь растопырил тонкие лапки в разные стороны и едва не шлепнулся на хвост.

«...»

Цзинь Хун как раз спрашивал Цуй Ванчао:

— Что ты об этом думаешь?

Цуй Ванчао лишь твердил одно и то же:

— Брат Цзинь, эта история точно никак не связана с нашей семьей!

Цзинь Хун от такого бессмысленного ответа снова чуть не взорвался от злости. Прежде ты казался нормальным, почему же в последнее время становишься все глупее и глупее?

Он выдохнул:

— Ладно, я сам пойду и спрошу.

— Сейчас? — Цуй Ванчао с сомнением взглянул на небо. — Уж поздно, да и обитатели башни Байчжан с нами никогда не ладили. А вдруг Се Жэнь снова намеренно сеет раздор? Если очертя голову бросишься выяснять отношения, то попадешься в его ловушку. Давай еще подумаем, это ведь всего лишь какая-то призрачная марионетка!

Се Жэнь просто терял слова перед глупостью этого бездаря.

Цзинь Хун сидел в кресле:

— Как думаешь, не мог ли это сделать Вэй Куннянь, который крутится возле Цзинь Чжоу?

Сердце Се Жэня вздрогнуло: «Вэй Куннянь?»

Он действительно знал этого человека.

Однако ходили слухи, будто Вэй Куннянь давно отправился за океан, в южные моря. С какой стати ему вдруг появляться во дворце Луаньюй?

Цзинь Хун неожиданно поднялся и направился к выходу.

Заметив это, Фэн Цяньсюэ блеснул строгим взглядом, повернул правую лапку, и невидимая паутиная нить в то же мгновение захлестнула правую ногу Цзинь Хуна. Тот споткнулся и растянулся прямо посреди двора.

— Брат Цзинь! — бросился к нему Цуй Ванчао, помогая подняться.

— А-а-а... — Цзинь Хун едва не потерял сознание от боли, его голос дрожал: — Скорее зови лекаря... Нет, сначала проводи меня в уборную!

Цуй Ванчао поспешно повёл его туда.

На подоконнике остались сидеть две птицы.

Спустя некоторое время Се Жэнь произнес:

— Мне кажется, он выходил только потому, что хотел в уборную.

Фэн Цяньсюэ:

— Угу.

Се Жэнь добавил:

— А вовсе не в башню Байчжан.

Фэн Цяньсюэ повторил:

— Угу.

Вскоре с аптекарским сундучком приспел лекарь. Осмотрев ногу, он сказал, что кость цела, а растяжение пройдет через полмесяца, так что ничего страшного.

Цзинь Хун полулежал на кровати, вытянув травмированную ногу, и с каждой секундой припадал все большей злостью. Хотя он и упал сам, но если бы вечерний пир не был таким унылым, что ему оставалось лишь глушить вино чарка за чаркой, разве прижало бы его так сильно, что от спешки в уборную он споткнулся и грохнулся? Теперь лодыжка разбухла, точно пампушка, и не то что лететь на мече в башню Байчжан — даже ходить по ровной земле придется прихрамывая.